

20. Овсяннико-Куликовский Д. Н. К 50-летию литературной деятельности Боборыкина / Д. Н. Овсяннико-Куликовский // Вестник Европы. – 1910. – № 11. – С. 368-372.
21. Протопопов М. А. Беллетрист-публицист (Романы и повести г. Боборыкина) / М. А. Протопопов // Русская мысль. – 1892. – № 11. – С. 131-152.
22. Самусенко В. И. Особенности стиля прозы П.Д. Боборыкина / В. И. Самусенко // Метод, мировоззрение и стиль в русской литературе XIX века: Межвузовский сборник научных трудов. – М. : МГЗПИ, 1988. – С. 118-123.
23. Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы 1848-1898 гг. / А. М. Скабичевский. – СПб. : Типография Товарищества «Общественная польза», 1900. – 494 с.
24. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений / Лев Толстой. – М. : Художественная литература, 1928. – Т. 72: Письма 1899-1900. – 1933. – 630 с.
25. Философов Д. В. П. Д. Боборыкин / Д. В. Философов // Русская мысль. – 1910. – № 12. – С. 88-99.
26. Цебрикова М. Беллетристы – фотографы / М. Цебрикова // Отечественные записки. – 1873. – № 11. – С. 1-34.
27. Щеблыкин С. И. Романы П. Д. Боборыкина в контексте русской прозы второй половины XIX века: автореф. дис. на соискание учён. степени докт. филол. наук: спец. 10.01.01 «Русская литература» / С. И. Щеблыкин. – Тамбов, 2005. – 46 с.

Сардар Зейнал

УДК 811. 512. 357

ВОПРОС ПОДЛЕЖАЩЕГО В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ОБЪЕКТОМ, ВЫРАЖЕННЫМ В ИМЕНИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ

Аннотация. В статье освещены схожие и отличительные особенности неопределённой и безличной форм глагола, прояснён вопрос подлежащего в предложениях, сказуемое которого выражено неопределённой формой глагола. Мы полагаем, что присутствие подлежащего в предложениях сказуемое, которых выражено неопределённой формой глагола, недопустимо. Потому что глаголы неопределённой формы иногда называются безличными. В предложениях, в которых сказуемое выражено неопределённой формой глагола, слово в именительном падеже, никогда не может выступать в роли подлежащего. Потому что это самое слово, выраженное в именительном падеже, составляет объект предложения.

Ключевые слова: грамматика, учебник, безличная форма, неопределённый вид, сказуемое, дополнение, подлежащее, именительный падеж.

Анотація. У статті висвітлені схожі та відмінні особливості невизначеної і безособової форм дієслова, прояснено питання підмета в реченнях, присудок яких виражено невизначеною формою дієслова. Ми вважаємо, що присутність підмета в реченнях присудок, яких виражено невизначеною формою дієслова, неприпустимою. Тому що дієслова невизначеної форми іноді називаються безособовими. У реченнях, в яких присудок виражено невизначеною формою дієслова, слово в називному відмінку, ніколи не може виступати в ролі підмета. Тому що це саме слово, виражене в називному відмінку, становить об'єкт пропозиції.

Ключові слова: граматика, підручник, безособова форма, невизначений вид, присудок, доповнення, підмет, називний відмінок.

Summary. Like and unlike features of passive voice and non-finite form of the verb was lightened in the subject and subject issue was explained in the sentenced, in which the predicate was expressed with passive verbs. We think that, existing of subject is impossible in the sentences, in which the predicate was expressed with passive verbs. Passive verbs sometimes are called as non-finite form of the verb. Word used in nominative case may not ever be used as subject in the sentence, in which the predicate was expressed with passive verbs. Because, that word expressed in nominative case arranges the object of the sentence.

Key words: grammar, textbook, non-finite form, predicate, object, subject, nominative case

Постановка проблемы. Со времен публикации научных грамматических книг об азербайджанском языке прошло приблизительно 200 лет. После учебника профессора Мирзы Казымбека «Грамматика тюрко-татарского языка», опубликованного в 1939 году в городе Казань, позднее было распространено сотни учебников, было осуществлено множество исследовательских работ в связи с вопросами лингвистики. Несмотря на то, что в конце 19 начале XX века стали проявляться «приливы и отливы» в вопросах, связанных с лингвистикой, ближе к концу XX века преобладали спокойствие и застой. С 20 годов XX века до 70-х годов относительно грамматики азербайджанского языка не было такого понятия, определения, закона, события и прочее, чтобы оно рассматривалось в различной форме с различных точек зрения.

Если обратить внимание на количество именительных падежей в грамматических учебниках, раздел предложения на три вида под название простое, смежное и сложное, и на прочие подобные вопросы, это выглядит еще более выпукло. При сравнении учебников, изданных в первой половине XX века и учебники, изданы в конце XX века, это отличие и это положительное изменение еще более привлекает внимание.

Наряду со всеми этими продвижениями имеются такие вопросы, связанные с грамматикой Азербайджанского языка, которые и сегодня ожидают своего решения. Несмотря на то, что отношения к указанным вопросам безусловно принимаются большинством лингвистов, при внимательном изучении

становится ясно, что эти подходы не отражают объективную реальность. Взгляды, высказываемые в начале XX века в связи с различными понятиями, и сегодня повторяются тем же образом без внимательного изучения.

Подобный подход к вопросам в тот временной промежуток может и был актуальным. Однако, со временем во всех сферах науки, в том числе и в лингвистике, существуют вопросы, теряющие свою актуальность и требующие новых подходов.

Одним из вопросов, требующих нового подхода, это вопрос подлежащего в предложениях, сказуемое которых выражается страдательными глаголами. Несмотря на то, что в связи с данным вопросом не существует различных мнений, он является одним из вопросов, нуждающихся сегодня в разъяснении и уточнении. Сегодня в учебниках, издаваемых для высших и средних школ, в предложениях, сказуемое которых выражается страдательными глаголами, отмечается, что объект заменяет субъект, то есть, окончание предложения используется вместо подлежащего.

Например, в изданной еще в 1959 году книге «Грамматика азербайджанского языка» (II части), в связи с данным вопросом пишется: «В азербайджанском языке сказуемое безличных предложений выражается страдательным видом переходных глаголов». Выражение сказуемого безличного предложения страдательным видом глагола является законным обстоятельством, так как при переводе активного предложения в пассивное предложение требуемый глаголом непосредственный объект становится подлежащим предложения [1, с. 285].

В издаваемых сегодня учебниках также выдвигается и защищается одинаковое мнение. То есть, они приходят к заключению, что например, в предложении «Расим строгаёт дерево» Расим является субъектом (выполняющий работу), дерево – объект (над которым выполняется работа) строгаёт – известный переходный глагол. Однако, при выражении сказуемого данного предложения страдательным глаголом предложение приобретает форму «Дерево выстрогано», и объект (над которым выполняется работа) заменяет субъект (выполняющий работу), одним словом, дополнение заменяет подлежащее. При внимательном подходе к этим взглядам задумываешься: может ли действительно объект, над которым осуществляется работа заменить субъект?

В изданном в 2010 году учебнике «Современный азербайджанский язык» [2], автор, говоря о безличных глаголах, пишет: «Мы знаем, что как субъектом, так и непосредственным дополнением переходных глаголов является слово, выражающее независимый объект. Например, в предложении «Войско перешло реку» войско является субъектом, реку – слово, выражающее объект, перешло – переходный известный глагол. Если к данному глаголу дополнить аффикс «была» (ил) субъект (войско) потеряет активность, слово, выражающее объект (реку) перейдет на его место, вновь будет образовано личное предложение со сложным составом (с подлежащим): «Река была пройдена» [3, с. 205].

В сборнике статей под названием «Исследования относительно азербайджанского языка», изданном в 1947 году, в предложениях, сказуемое которых выражается страдательными глаголами, вопрос замены объекта субъектом не рассматривается. Там отмечается, что страдательный вид сообщает об исполнении работы, обстоятельства и действия над одним лицом или в отношении одного лица. Это лицо становится ответом на один из вопросов «кто», «что». Если дело, ситуация или действие являются действующим человеком (указывают действующего – подлежащее), а «кто» или «что» являются иным неодушевленным предметом, задается вопрос «что». Например: 1) Сона отправлена в Москву, 2) Письмо отправлено в Москву. Страдательный глагол «отправлен» в первом предложении отвечает на вопрос «кто», во втором – на вопрос «что» [4, с. 78].

Из толкования видно, что здесь не изучается вопрос объекта и субъекта. Речь в предложении идет лишь о вопросах «кто», «что», связываемых с глаголом, одним словом, о подлежащем.

В изданном в 1954 году учебнике «Современный азербайджанский язык» отношение к рабочим страдательным глаголам выражено в иной форме. Здесь отмечается, что «страдательных глагольных предложениях» неясно, кем выполняется работа. В связи с неизвестностью действующего объект играет его роль. Иными словами «объект заменяет субъект» [5, с. 179].

Автор, говоря о глаголах, словно не видит надобности подробного изложения вопроса, во время разговора о морфологическом понятии с целью доказательства правильности мысли вдруг обращается к синтаксическим понятиям. В связи с этим он пишет: «После принятия соответствующего аффикса все эти глаголы становятся переходными, так как объект не является не активным, он занимает место активного члена предложения и не может отвечать на вопросы объекта (прямого дополнения). Поэтому может отвечать на вопросы субъекта» [6, с. 179].

Из информации видно, что автор при использовании в обычном случае в предложении слова, отвечающего на вопросы дополнения со страдательными глаголами, принимает во внимание то, что оно не отвечает на эти вопросы, не может ввести его в ряд иных членов предложения. В связи с тем, что вопросы кто и что относятся к подлежащему. Он называет слово, отвечающее в данном предложении на вопрос что, подлежащим предложения.

Еще в одном произведении [7] информация о страдательных глаголах одинакова с мыслями, изложенными в прежних учебниках. Об этом пишется: «В отличие от глаголов известного вида в глаголах данного вида (страдательный вид – S.Z) выполняющий действие меняется своим местом в предложении с дополнением. Говоря иными словами, действительный исполнитель действия используется как грамматический объект (дополнение), а действительный объект – как грамматический субъект (подлежащее)». Значит, в предложениях, выраженных страдательными глаголами, возникает структура с

двумя субъектами и двумя объектами: то есть, один из субъектов становится логическим, второй – грамматическим; и один из объектов становится логическим, второй – грамматическим [8, с. 242]

Очень интересное отношение. Нам так кажется, что выражение в каждом предложении существование двух объектов и двух субъектов требует возникновения предложений с абсолютно иной формой. Например: Вугар и Васиф склеили книги и тетради. В этом предложении, как говорят сами авторы, нашли свое отражение два объекта и два субъекта. Субъекты (подлежащие) Вугар и Асиф, объекты (дополнения) – слова книги и тетради.

Значит, предложения с двумя субъектами и двумя объектами (по логике) являются однородными предложениями с подлежащим и однородными предложениями с дополнением. Правда, здесь автор заводит речь об объекте и субъекте, «один из которых логический, а второй – грамматический». Ясно, что в предложении во внимание нужно принимать не логические объект и субъект, грамматические объект и субъект. Несмотря на то, что предложение является выражением действия и ситуации в объективном мире, оно не является объектом исследования логики.

Возникает такой вопрос: Говоря о страдательных глаголах – понятии, являющемся объектом исследования морфологии, почему авторы чувствуют потребность в помощи изложения синтаксического понятия?

Это происходит потому, что во все периоды именительный падеж именовался «подлежащим падежом». В предложениях, в которых сказуемое выражается страдательным глаголом, дополнение, которое является членом предложения, называемым большинством лингвистов «непосредственный объект», проявляет себя в форме именительного падежа. В другой статье, посвященной использованию слова в именительном падеже в качестве дополнения, приведены десятки примеров. Например, в предложении «Мой отец работает трактористом» слово трактористом выражается также, как слово начальником полиции в предложении «Халилов направлен в район начальником полиции». Почему нельзя называть подлежащим слова, отвечающие на вопросы кто и что в предложениях, в которых сказуемое выражается страдательным глаголом. Так это вытекает из требования указанного страдательного глагола. Если это было не так, мы не говорили бы, что в «школьных грамматиках если известен выполняющий действие, известен и глагол» [9]. Если в предложениях, сказуемое которых выражается известными глаголами, действующий неизвестен, страдательный, то есть, его нет.

Если бы становимся авторами мысли «глаголы, действующее (подлежащее) которых неизвестно, называются страдательными глаголами», тогда как в предложении объект заменят субъект?

Профессор Г. Казымов, говоря о страдательных глаголах, пишет: «Глагол предложения Асмар постирала платок (постирала) известный и переходный». Если преобразовать предложение в «Платок постирали», глагол постирали поменяется и приобретет страдательный вид, субъект потеряет активность, его место занимает слово, указывающее на объект» [10, с. 197].

Данное мнение является мнением не только Г. Казымова. Это мнение является мнением всех лингвистов, говорящих о страдательных глаголах в Азербайджане.

Во время учебы ученик или студент могут поставить такой вопрос: «в предложении «Платок постирали» слово платок является действующим или мы должны называть его субъектом предложения? Что должен ответить преподаватель? Язык является субъективным выражением слов объективного мира. Действительно, в предложении «Асмар постирала платок» Асмар является стирающей (субъект - подлежащее), а платок постиранным (объектом - дополнением), действием, выраженным страдательным глаголом». В предложении «Платок выстиран» постиранный (платок), выраженный в прежнем предложении, остается на месте. То есть объект (платок) остается неизменным. Неизвестный страдательный глагол выражает то, кем должен быть тот, кто постирал платок, что и находит свое выражение в страдательном глаголе. Если в предложении, сказуемое которого выражается страдательным глаголом, объект (то есть дополнение) вновь платок, как же он может заменить стирающего (субъекта – подлежащего)? Здесь речь идет не о замене человека предметом. Речь идет о том, что в предложениях «Платок красив» и «Платок выстиран» первый из членов, отвечающих на одинаковый вопрос «что», является подлежащим, а второй выступает в качестве дополнения.

Говоря о «Безличном предложении», многие понимают, что здесь не бывает лица, а участвует предмет. Например, книга – источник знаний. В данном предложении подлежащее выражено ни лицом, а предметом. На самом же деле словосочетание «безличное предложение» является условным термином, так называется некоторая часть предложений без подлежащего.

Верно, в нашем языке употребляется сотни безличных предложений с именительными сказуемыми. Эти предложения в основном создаются путем добавления к словосочетаниям слов, выраженных в прошедшем времени. Однако, простые предложения, в которых сказуемое выражается страдательными глаголами, не относятся к ряду безличных предложений. Однако, во всех учебниках в таких предложениях не выражение лица, выполняющего действие в качестве грамматического личного местоимения, не может поменять чье-то мнение. Например: относительно страдательных глаголов пишется: В предложении, сказуемое которого выражается страдательным глаголом, «основной вопрос заключается в том, что субъект не может выступать в предложении активным субъектом, то есть, он неактивен. Например: В предложении «Сарваром был составлен новый проект здания» глагол составлен имеет страдательный вид, однако, исполнение действия известно: Действие исполнено Сарваром. Глагол находится в страдательном виде так как субъект, выполняющий действие в предложении (Сарвар), не может выступать в качестве активного субъекта, подлежащего, а выступает в качестве переходного дополнения» [11, с. 191].

Здесь все ясно указывается самим автором, однако, для выявления действующего (подлежащего) автор сразу же обратился к логике. В предложении «Девичья башня построена в 12 веке» откуда мы узнаем кем является действующее лицо. Несмотря на то, что слово «девичья башня» отвечает на вопрос «что», нам неизвестно, кем она была построена, да и нет надобности знать, кем она построена. Речь идет не о том, кем была построена Девичья башня, а о том, в каком веке она была построена.

Говоря о страдательных глаголах, другой автор пишет: «в случае, если глагол является переходным, он имеет как субъект, так и непосредственный объект. Например, «Асмар прочитала книгу» [12, с. 191]» после автор отмечает, что слово «прочитала» является переходным глаголом в известном виде, «Асмар» - субъектом, указывающим на действующее лицо, а слово «книгу» - непосредственный объект в винительном падеже.

Значит, несмотря на то, что слово «книга» в обоих предложениях «Асмар прочитала книгу» и «Книга прочитана» находится в различных падежах, оно выполняет одну и ту же функцию, то есть, в обоих случаях книга читается.

Некоторые лингвисты неуместно заводят разговор о непосредственном объекте и отмечают, что непосредственный объект, будучи в винительном падеже, указывает на предмет, над которым исполняется действие. То есть, действие исполняется над непосредственным объектом. Если в предложении «Асмар прочитала книгу» действие исполняется над непосредственным объектом (книгой), тогда над каким объектом исполняется действие в предложении «книга прочитана»?

Наше обращение к книгам Г.Казымова исходит не из интереса анализировать мысли, высказанные в этих учебниках, и выявить их недостатки, это был интерес к тому, что указанные учебники являются последними и весомыми учебниками. Ко взглядам в этих учебниках к понятиям, о которых мы говорим, мы отнеслись как к общему результату взглядов, изложенных во всех написанных с начала XX века до сегодняшнего дня учебниках. Мы пришли к такому заключению, что в предложениях, в которых сказуемое выражено страдательным глаголом, слово, употребляемое в именительном падеже (например, слово дерево в предложении «дерево выстрогали»), является не объектом, заменяющим субъектом, а просто объектом. Несмотря на употребление существительного в именительном падеже, эти слова указывают на предмет, над которым исполняется действие, в силу чего это подобным образом изучается всеми лингвистами, так как находится в именительном падеже, то есть, называется подлежащим.

Мы одновременно выступаем против того, что чтобы безличный вид глагола, относящийся к ряду смысловых видов глагола, преподносился в качестве независимого вида в отдельности от страдательного вида.

Из каких факторов вытекает раздел глаголов, участвующих в качестве сказуемого предложений без субъекта на две части под названием страдательный и безличный? В предложениях со сказуемым, выраженным в страдательном глаголом, действительно действующий неизвестен, однако, как уже говорилось, будто бы объект заменяет субъект, и в подобных предложениях объект выступает в форме грамматического личного местоимения.

Когда глаголы, называемые безличными, являются сказуемыми предложения, объект не находит своего выражения в форме именительного падежа, а предложение кажется безличным.

Нам так кажется, объект не может заменять субъект в предложении в силу выражения безличными глаголами, то есть, так называемыми непереходными глаголами. Поэтому, глаголы, используемые в подобных предложениях, называются безличными.

Сегодня ученики и студенты затрудняются различать страдательные глаголы от безличных глаголов. Они понимают то, что страдательные глаголы создаются из переходных глаголов (в основном), а безличные глаголы – от непереходных глаголов. Другое различие установить невозможно. Однако, нам так кажется, что раздел этих глаголов, не требующих выражение действующего лица в предложениях, неправильно делить на две части, как безличные и страдательные. Ни в одном из учебников, изданных до 1990 года, к ряду смысловых видов глагола безличный вид не отнесен.

В учебнике азербайджанского языка Б.А. Ахмедова, А.А. Ахундова, для 5-го класса, изданном в 1988 году о смысловых видах глагола говорится как «виды глаголов, образуемых от глаголов» (6, стр. 158), и указывается их деление на четыре вида (страдательный, возвратный, пассивный, встречный, совместный). А в учебнике, изданном этими авторами в 1990 году, смысловые виды глагола разделены на два вида под названием активные и пассивные виды [13, с. 176], глаголы, исполнитель действия которых известен (известный, пассивный, встречный - совместный), отнесены к активному виду, а глаголы, исполнитель действия которых неизвестен (страдательный и безличный), отнесены к пассивному виду. Мы считаем, что деление глаголов, исполнитель действия которых неизвестен, на безличные и страдательные, ненормально с точки зрения логики.

Если брать за основу то, что страдательные глаголы образовались от переходных, а безличные глаголы от непереходных залогов, в нашем языке употребляется достаточное количество предложений, сказуемое которых выражается переходными и непереходными известными глаголами.

В ежедневной речи мы встречаемся с такими языковыми фактами, которые не составляют какую-либо особую систему, а обладают своими особенностями, образуя маленькую группу. Несмотря на то, что подобные отличительные особенности отличают эти языковые факторы, выделять их в грамматике в качестве особой группы не является таким уж привлекательным вопросом.

Например, в нашем языке есть такие глаголы, которые относятся к числу возвратных глаголов, относясь только к субъекту, и к числу страдательных глаголов, когда наряду с тем, что относятся к субъекту, требуют еще и объект. Относительно подобных образцов пишется: «если субъект будет

находиться в непосредственном отношении с глаголом, то есть, заменит предмет, над которым исполняется действие, и тем самым не оставит никакой потребности в использовании какого-либо предмета (объекта) между субъектом и глаголом, глагол становится возвратным: например, наступил день, в раскрытии цветов не участвует никакой иной субъект, день наступает и цветы расцветают сами по себе. В то же время глагол «расцвели» не требует никакого объекта. Таким образом, действие оказывается исполненным над самим исполнителем. В нашем современном языке временами глаголы разделся, оделся требуют объект в качестве исключения. Например: «Хафиз надел одежду» или «Араз снял одежду». Несмотря на то, что в этих предложениях глаголы «надел, снял» являются возвратными, по содержанию они уже удалились от возвратных глаголов» [14, с. 181].

Из данной официальной информации и изучаемых образцов видно, что в каждом их страдательного, возвратного, понудительного и встречного видов глагола, называемых грамматическими смысловыми видами, имеется множество образцов, обладающих особыми отличительными признаками и нарушающими общие грамматические требования.

Из моментов использования глаголов «оделся, разделся» видно, что эти глаголы похожи как на страдательные, так и на возвратные глаголы, однако, наряду с этим, до себя требуют непосредственного объекта, то есть, отличаются об обоих вышеуказанных смысловых значений.

Если отнестись к этим глаголам с призмы, с которой мы относимся к страдательным и безличным глаголам, мы создадим условия для возникновения группы глаголов, обладающих отличительными особенностями от схожих глаголов.

Существуют такие закономерности, которые нельзя разделить на основании требований группы образцов, обладающей определенными отличительными особенностями. Такое разделение может привести как к осложнению грамматических понятий, так и к возникновению неразберихи.

В предложениях, сказуемое которых выражается безличными глаголами, как уже говорилось, нет грамматического личного местоимения, то есть, исполняющего действие (подлежащего). «Ваше заявление рассмотрено, работа начата вовремя» [15, с. 213].

Есть кто-кто, кто рассмотрел заявление и начал работу, то есть, несмотря на то, что это неизвестно лицо чувствуется в содержании предложения, оно неизвестно (страдательный), и не может выступать в предложении в качестве грамматического личного местоимения (подлежащего).

В приведенных в указанных учебниках предложениях «Книги розданы, Машина смазана», также имеется лицо, исполняющее работу. Известно, что книги розданы каким то лицом, и машина смазана кем-то. Однако, ни в одном из предложений эти лица не выступают в качестве грамматического личного местоимения (подлежащего). Одним словом, лица, исполняющие работу в предложениях «Ваше заявление рассмотрено, работа начата вовремя» и в предложениях «Книги розданы, Машина смазана» выполняют одну и ту же функцию и выполняют работу в одинаковой форме. Если такова действительность, тогда страдательный вид имеет свое подлежащее: Например: как можно сказать в «Книги розданы, Машина смазана» (опять там же)? В первом предложении книга, а во втором предложении машина находятся в именительном падеже, поэтому может ли это давать основание называть их исполнителями работы?

Нет! В первом предложении логически становится ясно, кто есть кто-то раздающий книгу, а во втором предложении – кто-то, смазывающий машину. В этих предложениях также исполнители указанных работ не выступают в предложении в форме грамматического личного местоимения.

Поэтому, считаем, что выдвигать мнение о том, что в предложениях, сказуемое которых выражается страдательным глаголом, имеется подлежащее, невозможно. Если книги раздаются, то существует лицо, которое раздало ее, и, как видно из примеров, оно не существует в предложении в независимом виде. Если объект заменяет субъект, исполнитель действия является тем, над чем действие исполнялось. А подобные глаголы называются в грамматике возвратными глаголами.

Из взглядов, выдвигаемых всеми лингвистами, говоря о глаголах, ясным образом привлекает внимание существование у них большого подозрения.

В книге «Азербайджанский язык», изготовленной ГКПС, (Баку-2010), отмечается, что существует шесть грамматических смысловых вида глагола. Авторы, говорящие о страдательном виде глагола, отмечают, что в предложениях «Письмо доставлено по адресу, Гвоздь вбит в стену, Столы занесены внутрь» имеется подлежащее, однако, неизвестно то, кем исполняется действие. Независимо от других видов, объект в страдательном виде выступает в качестве подлежащего. Даже если субъект будет восстановлен, он (субъект) используется не как подлежащее, а как прямое дополнение» [16, с. 193].

Из этого разъяснения исходят интересные вопросы:

а) что выступает в качестве подлежащего (выполняющий работу, субъект), если неизвестно кем выполняется работа?

б) даже если субъект будет восстановлен, если он используется не как подлежащее, а как дополнение на основе чего данное предложение называется назывным предложением?

в) Почему к страдательному залогу подходят совсем иначе и т.д.?

Как видно из разъяснения ко всем формам глагола подходят иначе в отличие от неопределённой формы, и в этом подходе все закономерности в определённой степени нарушаются, и возникает иной подход.

Как видно, что, если в предложениях со сказуемым, которое выражено страдательными глаголами, имеется отличительная черта, то это и есть выступление дополнения в именительном падеже.

Нам кажется, что из-за языковых факторов, обладающих определёнными отличительными особенностями, которые выступают в языке, нельзя допустить изменение общего грамматического подхода. Как известно из примеров, приведённых в учебниках, в предложениях сказуемое, которого выражено неопределённой формой (субъект, выполняющий работу), подлежащее не может выразить себя с грамматической точки зрения и отсутствует.

А слово (член), который выступает в форме подлежащего, то есть в именительном падеже, является не подлежащим, а дополнением.

Выводы и перспективы. Говоря о грамматических видах глагола в учебниках грамматики нельзя относить глаголы с одинаковым содержанием, как к неопределённой, так и к безличной форме, а также нельзя считать правильным с грамматической точки зрения. Потому, что глаголов, которые относятся к «безличной форме» не так уж много в нашем языке. В связи с этим в вышеуказанном учебнике излагается: «В нашем языке имеется не так уж много безличных глаголов... но для того, чтобы ученики более легко воспринимали тему безличные предложения, которая проводится в синтаксисе, мы посчитали целесообразным включение безличных глаголов в пособие как дополнительную тему»).

Нам кажется, что для того, чтобы решить данную или же подобные проблемы и, чтобы получить объективный результат, необходимо проводить крупномасштабные конференции с присутствием всех лингвистов и на этих конференциях наряду с азербайджанскими лингвистами необходимо пригласить представителей туркменских, турецких и других народов и необходимо окончательно устранить сомнения.

Источники и литература:

1. Грамматика азербайджанского языка. – Ч. II. – Баку : Издательство Академии Наук Азербайджана, 1959
2. Казымов Г. С. Современный азербайджанский язык / Казымов Г. С. – Баку: Наука и Образование, 2010
3. там же
4. Абдуллаев А. Современный азербайджанский язык. – Ч. IV / А. Абдуллаев, Ю. Сеидов, А. Гасанов. – Баку: Просвещение, 1972.
5. Гусейнзаде М. Современный Азербайджанский язык / Гусейнзаде М. – Баку : Издательство АГУ, 1954
6. там же
7. Современный азербайджанский язык. – Ч. II. – Баку : Елм, 1980
8. там же
9. там же
10. Казымов Г. С. Современный азербайджанский язык / Казымов Г.С. – Баку: Наука и Образование, 2010
11. там же
12. там же
13. Ахмедов Б. А. Азербайджанский язык : учебник 5-го класса. – 15-е издание / Б. А. Ахмедов, А. А. Ахундов. – Баку : Маариф, 1988, 1990.
14. Гусейнзаде М. Современный Азербайджанский язык / Гусейнзаде М. – Баку : Издательство АГУ, 1954
15. Халилов Б. Морфология современного азербайджанского языка. – Т. 2 / Халилов Б. – Баку, 2007
16. Ахмедзаде И. А. Азербайджанский язык : пособие для школьников старших классов, готовящихся к вступительным экзаменам и учителей / И. А. Ахмедзаде, З. А. Шахбазова, А. Ф. Мирзаев и др. Баку : Абитуриент, 2010

Саттарова С.С.

УДК 81' 367.635 С 21

О КРИТЕРИЯХ КЛАССИФИКАЦИИ ЧАСТИЦ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Анотація. В статті розглянуті питання класифікації часток в тюркології. Путём сравнительно-сопоставительного метода проанализированы критерии классификации частиц в тюркских и, в том числе, в крымскотатарском языках. Выявлены причины отсутствия единства в классификации частиц.

Ключевые слова: классификация, научные критерии, расхождения, терминологический разнобой, семантический признак.

Анотація. У статті розглянуті питання класифікації часток в тюркології. Шляхом зрівняльно-порівняльного методу проаналізовано критерії класифікації часток у тюркських і кримськотатарській мовах. Виявлено причини відсутності єдності в класифікації часток.

Ключові слова: класифікація, наукові критерії, розбіжності, термінологічний різнобій, семантична ознака.

Summary. The article deals with the classification of particles in Turkic language study. Criteria for the classification of particles in Crimean Tatar language are analysed by the application of comparative and correlative methods. The given study reveals the reasons of absence of uniformity in classification particles.

Keywords: classification, scientific criteria differences, terminological inconsistency, semantic feature.

В тюркологии частицы являются сравнительно новой грамматической категорией, занимающей промежуточное положение между словами и аффиксами. Исследование частиц как отдельного класса служебных слов относится к концу XX века. Являясь сложной и многогранной единицей языка, частицы с трудом поддаются классификации на основе традиционных методов. В языкознании, в том числе и в